

2017.01.022. ПЛОХИЙ С. ПОСЛЕДНЯЯ ИМПЕРИЯ. ПАДЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА / Пер. с англ. Гирика С., Лунина С., Сагана А. – М.: АСТ, 2016. – 623 с.

Ключевые слова: падение Советского Союза; окончание холодной войны; советско-американские отношения; Б.Н. Ельцин; М.С. Горбачёв; ГКЧП.

Автор монографии профессор истории Гарвардского университета (США) Сергей Плохий анализирует события последних пяти месяцев существования Советского Союза, пишет о различной роли США и СССР в окончании холодной войны и различных оценках описываемых событий. Исследование основано на недавно рассекреченных документах ЦРУ, мемуарах политиков и дипломатов. Автор получил за эту книгу в 2015 г. две премии: Pushkin House Russian Book Prize (за лучшую англоязычную книгу о России) и Lionel Gelber Prize (за лучшую книгу о международных отношениях и политике).

Монография состоит из предисловия, шести частей (в них 18 глав): «Последний саммит», «Танки августа», «Контрпереворот», «Союз несогласных», «Глас народа», «Прощай, империя!» и

эпилога. Книга снабжена рядом фотографий, двумя географическими картами: «Мир в эпоху холодной войны» (1980) и «[Советская] империя и национальные окраины», на которой представлены процентные данные о русском населении и населении других национальностей в разных республиках СССР. Прилагается также предметно-именной указатель (с. 606–622).

В предисловии Плохий начинает повествование с «рождественского вечера» 25 декабря 1991 г., когда в прямом эфире телевидения прозвучало «обращение уходящего в отставку первого и последнего президента СССР Михаила Горбачёва» и «Советского Союза не стало» (с. 13). Мало кто ожидал увидеть такое. С флагштока здания Сената – резиденции советского руководства и, до недавнего времени, символа коммунизма – спускали красный флаг. Миллионы телезрителей не могли поверить своим глазам. Первым на вопрос, что произошло, попытался ответить президент США Джордж Г.У. Буш. Он выступил перед американскими телезрителями вечером 25 декабря, через несколько часов после того, как американские телеканалы показали обращение Горбачёва и спуск флага. Буш попытался объяснить, что за подарок получили к Рождеству его сограждане. Он связал новости из СССР с победой США в холодной войне.

Через несколько недель Буш выступил с ежегодным посланием к народу. В нем распад Советского Союза был назван «переменной почти библейского масштаба». «Милостью божьей Америка победила в холодной войне», – заявил американский лидер, добавив, что установился новый миропорядок. Выступая на совместном заседании Сената и Палаты представителей, президент отметил: «Мир, некогда разделенный на два вооруженных лагеря, признает теперь одну сверхдержаву – Соединенные Штаты Америки» (с. 14). Зал взорвался аплодисментами.

Более 40 лет США и СССР вели глобальное противостояние, которое однажды чуть не завершилось ядерной катастрофой, пишет далее автор. Разделение мира на два лагеря (первый олицетворяло красное знамя над Кремлем, второй – звездно-полосатый флаг над Капитолием) казалось вечным. Американцы и их союзники воевали по всему миру, и, казалось, этой войне не будет конца. Однако вооруженный до зубов противник, не проигравший ни одной битвы, вдруг спустил флаг.

Автор напоминает историю советско-американских переговоров по сокращению вооружений. В ноябре 1986 г. в Рейкьявике Рейган и Горбачёв, к ужасу своих советников, едва не договорились ликвидировать *все* ядерное оружие. Помешала неуступчивость Рейгана, не желавшего отказаться от программы СОИ (Стратегической оборонной инициативы). Горбачёв считал, что в случае реализации американцами проекта СОИ Советский Союз рискует оказаться в положении проигравшего. Встреча зашла в тупик и, казалось, мир ждут мрачные дни. Но все же стороны вернулись к диалогу. А.Д. Сахаров, создатель советской водородной бомбы, смог убедить власти, что СОИ – чистая фантазия. В 1987 г. Горбачёв приезжал в Вашингтон для подписания договора об ограничении ядерных арсеналов США и СССР и демонтаже ракет средней дальности в Европе. В июле 1991 г. Горбачёв и Буш собирались подписать новый договор о сокращении ракет дальнего радиуса действия.

В предшествующие Московскому саммиту месяцы советский лидер был поглощен борьбой за выживание. Он подвергался нападкам со стороны и аппаратчиков, и реформаторов. Росло недовольство советских граждан. Первая официальная встреча саммита состоялась в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. «Горбачёв был восхитителен», – писал Буш. Не только американские военные считали, что американцы добились своего по всем важным пунктам договора о ядерных вооружениях. Ведущий дипломат Строб Тэлбот писал в журнале «Тайм», что Горбачёв в договоре по СНВ безоговорочно принимает подчиненную позицию, по крайней мере в ближайшей перспективе, и позволяет США сохранить превосходство в числе бомбардировщиков, крылатых ракет и ракет наземного базирования. Тэлбот называл вещи своими именами. Но почему Горбачёв был готов подписать столь невыгодный для СССР договор? Тэлбот предположил, что «СССР пошел на такие уступки, а США так мало предложили взамен по одной простой причине: революция Горбачёва есть величайшая в истории распродажа. А цены в подобных случаях предельно низки» (цит. по: с. 42).

Затрагивая вопрос о том, как американские политики перешли от ставки на Горбачёва к ставке на Ельцина, автор сравнивает далее карьеры двух этих политиков. Если Горбачёв поднимался по

служебной лестнице за счет урожайности зерновых и отдыха московского начальства на минеральных курортах Ставрополя, то Ельцин двигался вперед за счет промышленного производства и выполнения плана по строительству. Его восхождение как демократического лидера началось в эпоху перестройки, когда Горбачёв пригласил энергичного руководителя в Москву. Вскоре Ельцин принял бразды правления городом, парализованным метастазами коррупции. Всплески лихорадочной активности чередовались у него с периодами депрессии.

Различия во взглядах на темп реформ спровоцировали конфликт Ельцина с его бывшим патроном Егором Лигачёвым, представлявшим консервативное крыло горбачёвского Политбюро. Осенью 1987 г. Ельцин выступил не только против Лигачёва, но и против самого Горбачёва, обвинив Политбюро в низкопоклонстве перед генсеком. Он был смещен со своих должностей, на его партийной карьере был поставлен крест. Изгнание Ельцина из Политбюро знаменовало поражение либералов в лагере Горбачёва и триумф консерваторов. Если Политбюро потеряло одного из своих радикальных представителей, то демократическое движение неожиданно обрело в лице Ельцина своего лидера. Ситуация в стране менялась в пользу Ельцина. От кардинальных реформ, которые проводил Горбачёв, никто не выиграл больше, чем его заклятый враг Ельцин. Он не был гроссмейстером аппаратных игр, зато блестяще управлялся с толпой (с. 60). Попытка Горбачёва реформировать советскую систему управления экономикой лишь ускорила ее крах. Авторитет Ельцина как лидера российской оппозиции ни у кого не вызывал сомнений. Он вышел из партии, она стала терять былую силу, вместе с Ельциным из нее в 1990 г. вышли 2,7 млн человек, численность КПСС упала с 19,2 млн до 16,5 млн.

Хотя Горбачёв и его сторонники считали, что национальный вопрос в СССР решен, и советскую империю удалось поразительно долгое время сохранять, начались столкновения на национальной почве (первым стал разразившийся в 1988 г. конфликт между азербайджанцами и армянами в Нагорном Карабахе). Осенью 1988 г. в демонстрациях, в основном в республиках Прибалтики и Закавказья, ежемесячно принимали участие около 2 млн человек. Ельцин разыгрывал российскую карту. Для Горбачёва и его соратников оба варианта – облачение России в тогу демократии и ее заключение в

строгий костюм коммунизма (к чему стремились консерваторы) – были подобны воплотившемуся ночному кошмару. Горбачёв говорил: «Восстановить авторитет России – это да. Но не путем суверенизации России. Это означало бы вынуть стержень из Союза» (цит. по: с. 69). Рыжков на заседании Политбюро в ноябре 1989 г. сообщил: «Надо бояться не Прибалтики, а России и Украины. Пахнет общим развалом. И тогда нужно другое правительство, другое руководство страны, уже иной страны» (цит. по: с. 70). Мало кто предполагал, что пророчества Рыжкова уже через несколько месяцев начнут сбываться.

Осветив далее подробно историю путча 19–21 августа 1991 г., действия ГКЧП, а также Ельцина и его сторонников, автор замечает, что вернувшийся в Москву после провала путча 22 августа президент СССР Горбачёв упустил возможность обратиться к людям. Он во многом не понял ситуацию, недооценил увеличивающийся политический вес улицы. Ельцин не боялся выступать перед публикой, направлять толпу и использовать ее в политических интересах, Горбачёв этого не умел. Он проиграл первый раунд соревнования с Ельциным. Это поражение имело колоссальное влияние на судьбу Союза (с. 187). Ельцин видел хозяином положения себя, а не Горбачёва. Президент Буш обратился к Ельцину со словами восхищения и поддержки. Теперь противником Ельцина были не путчисты, а Горбачёв. «Полею боя была не только Москва, Россия, Советский Союз. Сражаться предстояло и в столицах западных держав, и в международных организациях» (с. 200). Сторонники Ельцина поставили вопрос ребром: нужно ли поддерживать выступавшего за радикальные реформы демократически избранного лидера в лице Ельцина или сохранить лояльность Горбачёву, попросившись с демократией и реформами?

Далее в книге повествуется, как развивались события во время и после августовского путча 1991 г. на Украине и в других республиках СССР. Глава Украины Кравчук «проинформировал президента РСФСР, выступавшего за федеративную структуру обновленного Союза, что Украину удовлетворит только конфедерация. Советский Союз Кравчук представлял не в виде государства, а в виде коалиции государств с общими внешнеполитическими и военными структурами. Назарбаев поддержал Кравчука» (с. 243–244).

США, всегда не признававшие вхождение стран Прибалтики в 1940 г. в Советский Союз, после того как центр применил силу против стремления этих республик выйти из СССР, поставили экономическое сотрудничество и свою помощь СССР в зависимость от действий Москвы в Литве, Латвии и Эстонии. В письме Буша Горбачёву говорилось: «Никто не хочет распада СССР» (цит. по: с. 255). «Буш не лгал: ни он сам, ни его администрация не имели намерения уничтожить Советский Союз», – подчеркивает автор (с. 255). Но сразу после путча давление на президента сил, выступавших в США за независимость балтийских стран, усилилось. 2 сентября 1991 г. он сделал заявление о признании независимости прибалтийских государств (с. 259).

Соотношение сил внутри СССР изменили результаты украинского референдума о независимости 1 декабря 1991 г., когда большинство населения республики высказалось за независимость. По воспоминаниям Анатолия Черныева, Горбачёв догадывался о сговоре Ельцина с Кравчуком «валить Союз с двух сторон» (цит. по: с. 322). Визиты Кравчука в сентябре в Канаду и США показали, что он ведет Украину к независимости. Депутаты Верховной рады в Киеве считали, что Союз пора было отправлять на свалку истории (с. 333).

Чтобы торпедировать украинский референдум советник Горбачёва Шахназаров предлагал придать официальный характер посягательствам РСФСР на Крым, Донбасс и весь Юг Украины. По его убеждению, надлежало заявлять, что эти регионы исторически составляют часть России и что та не намерена от них отречься, если Украина выйдет из состава Союза. Он предлагал активизировать работу в Крыму, его население должно знать, что если Украина заявит о выходе из Союза, на другой день Крым выйдет из состава Украины и будет присоединен к России.

Горбачёв уже не имел средств на воплощение и половины плана Шахназарова. В конце октября в Мадриде он уверял Буша, что Украина не отважится выйти из Союза, среди прочего потому, что это не позволит сделать русское меньшинство. Отвечая на вопрос Буша, победит ли Кравчук на выборах, Горбачев признал, что сомневается в Кравчуке, но отмел мысль о том, что Россия и Украина расстанутся: «Наши два народа – ветви одного дерева. Никто не сможет их оторвать друг от друга» (цит. по: с. 335).

Американские политики осенью 1991 г. ломали голову, признавать или нет независимость Украины, понимая, что, если ее население проголосует за независимость, это станет поворотным пунктом в политике США по отношению к Советскому Союзу. Стивен Хэдли позже признал: «Мы полагали, что без Украины Россия, даже если захочет, никогда не возродит Советский Союз. Россия, утратив огромные ресурсы, население и территорию Украины, никогда уже не будет представлять той угрозы, которую являл Советский Союз. Вот почему это стало одним из основных направлений политики США, при всех ее неизменных принципах. Со стратегической точки зрения независимая Украина представляла для нас страховку» (цит. по: с. 338).

Подводя в эпилоге итоги исследования, Плохий ставит вопрос: «Если распад СССР не обусловлен в сколько-нибудь серьезной степени деятельностью американцев и не стал событием, тождественным и краху коммунизма, и победе США в холодной войне, то что же привело к гибели одну из самых мощных в истории держав?» (с. 508). И предлагает целый ряд ответов, используя мнения, высказанные разными политиками, дипломатами, исследователями. Для Дж. Кеннана это – поразительный и на первый взгляд необъяснимый случай внезапной и окончательной дезинтеграции и ухода с мировой сцены в 1987–1991 гг. великой державы, известной вначале как Российская империя, а затем как Советский Союз. Согласно А. Черняеву, это – закономерный финал того процесса, который набрал ход в начале века и получил мощный толчок от обеих мировых войн: упадок империй, а затем исчезновение их с карты мира («даже Черняев оказался крепок только задним умом», – подмечает автор) (с. 509).

Считать Советский Союз империей или нет (дискуссия об этом идет до сих пор), но в небытие он ушел подобно империям, развалившись по тем границам, которые более или менее совпадали с границами этническими и языковыми. Нельзя не заметить сходства с механизмами распада других держав, особенно Британской империи (доминионы стали независимыми странами).

Часто без внимания остается тот факт, что роспуск империи оказался неизбежным итогом электоральной политики. Красный колосс обрушился менее чем через три года после введения полусвободных выборов – впервые в бывшей империи Романовых, на-

чая с 1917 г., после того как большевики взяли власть. Окончательный крах Советского Союза оказался прямым следствием референдума на Украине 1 декабря 1991 г., в ходе которого более 90% пришедших на участки проголосовали за независимость. Таким образом, утратили силу результаты предыдущего референдума, проведенного в марте 1991 г., когда более 70% поддержали сохранение СССР при условии кардинальных реформ, заключает автор (с. 510).

Шаги, предпринятые Бушем и Бейкером, ускорили распад Советского Союза, однако это не только не входило в их намерения, но едва ли не прямо им противоречило. Выгода от таких действий, как признался Дж. Бейкер, заключалась в том, чтобы добиться от издыхающего левиафана максимальных уступок в области контроля над вооружениями и в международных отношениях. Это, с точки зрения американцев, была «наилучшая стратегия». В благополучном исходе есть и заслуга Америки. Советский Союз не превратился в «Югославию с ядерными бомбами». Ельцин не стал воевать за оказавшиеся под властью Кравчука, Назарбаева и прочих «инсургентов» земли, которые многим его согражданам казались исконно русскими (с. 525). США неожиданно для себя оказались во главе процесса ликвидации страны, представлявшейся многим последней на планете империей. Так американцы, сами того не желая, исполнили свое антиимперское предназначение.